

NOMOS

KWARTALNIK RELIGIOZNAWCZY

NR 71/72

Uniwersytet Jagielloński
Instytut Religioznawstwa
31-044 Kraków, ul. Grodzka 52

Zakład Wydawniczy »NOMOS«
Kraków 2010

© Copyright by Instytut Religioznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego

Redaguje zespół w składzie:

Kazimierz Banek, Wiesław Bator, Halina Grzymała-Moszczyńska, Henryk Hoffmann
(Redaktor naczelny), Anna Książek (Sekretarz redakcji), Kazimiera Mikoś, Stanisław
A. Wargacki

Redaktorzy tomu: Nikołaj A. Aleksejenko, Jurij A. Babinow, Henryk Hoffmann,
Anna Książek

Recenzenci:

Dofinansowanie: Instytut Religioznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego,
Zakład Wydawniczy »Nomos«

Redakcja wydawnicza i korekta: Kasper Świerzowski

Przygotowanie do druku: Dariusz Piskulak

Kraków 2010

Adres redakcji: Instytut Religioznawstwa UJ, ul. Grodzka 52, 31-044 Kraków,
tel./fax (12) 663-17-77

Druk: Drukarnia Drukrol, Al. 29 Listopada 46, 31-425 Kraków

РЕДКИЕ ТИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МОЛИВДОВУЛАХ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ (местночтимые святые и библейские цитаты)

В мире образов и символов использовавшихся на византийских моливдовулах несмотря на их каноничность, продиктованную целым рядом имперских традиций и церковных канонов, порой существуют и достаточно редко встречающиеся изображения. Надо полагать, что это, скорее всего, было продиктовано личными симпатиями владельцев печатей, которые могли использовать не только общепринятые сфрагистические типы, но и, руководствуясь какими-то своими соображениями, помещать на печатях, например, образы местночтимых святых или реплики со знаменитых икон, начертать специфическую легенду (нередко стихотворную) или изображения наиболее почитаемых оберегов, а порой и помещать личные портреты.

В этой связи моливдовулы, предоставляя нам сведения о заказчиках печатей, не только сообщают данные об их служебном положении или месте на иерархической лестнице византийской знати, но и на наш взгляд дают беспристрастную информацию о религиозном мировоззрении, популярности или устойчивости того или иного культа, как отдельных представителей византийского общества, так и в отдельных случаях целых регионов, к которым они относятся. Не являются исключением в этом отношении и печати византийских священнослужителей.

Как известно религиозная символика сопровождала каждого византийца на протяжении всей его жизни. В быту или на службе они неуклонно обращались к христианским символам и божественным образам, ис-

прашивая покровительства и защиты у высших сил. Формирующиеся и развивающиеся религиозные традиции в византийском обществе прекрасно иллюстрируют моливдовулы как обширного чиновничьего аппарата империи так и церкви, как впрочем, и личные печати. Надо полагать, что нередко влияние на выбор какого-либо образа оказывала высокая популярность того или иного местного культа [Cheynet, Morrisson, 1995, p. 9-32]. В этой связи особую ценность приобретают редко-встречаемые сюжеты, порой или очень слабо отраженные в источниках, или же просто ранее не известные. Не вызывает сомнений, что запечатленные на моливдовулах сюжеты, являясь своеобразным слепком мировоззренческих позиций их владельцев, дают богатую почву для реконструкций исторических реалий в тех или иных регионах обширного Византийского государства, в том числе и для истории развития церковных епархий.

В этом смысле несомненный интерес вызывают новые печати с изображениями свв. Сисинния и Ахиллия¹. Следует отметить, что согласно данным Дж. Котсониса, рассмотревшего более 7 000 моливдовулов с религиозными сюжетами, их изображения представляют исключительную редкость. В приводимых исследователем перечнях святых, встречающихся на византийских буллах, Ахиллий фигурирует лишь пять раз, а Сисинний – только единожды причем, как и в наших случаях на памятниках XI-XII столетий [Cotsonis, 2005, p. 393(2), 397(109)].

1. Печать Михаила, епископа Варианы (Рис. 1).

¹ Автор выражает глубокую благодарность И. Горшкову за предоставленную возможность публикации материалов, представленных в этой работе.

(М-94). Частная коллекция И. Горшкова (Москва).

D – 21 мм; толщина пластинки 2 мм; вес – 7,5 г.

Случайная находка. Происходит из Турции.

Не издана.

Аверс. Погрудное изображение св. Сисиния анфас. Легенда в поле практически не сохранилась. Слева в столбик – Ο | . | . | С – Ὁ (οὐαγίος) [Σι]σ[ίννιος].

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию точек:

+KΕR. Κ(ύρι)ε β[οήθει]

ΜΙΧΑΗ[Λ] Μιχαὴ[λ]

ΕΠΙΣΚΟΠ ἐπισκόπ(ω)

ΡΑΡΙΑ Βαρια

-Ν,- ν(ῆς)

Κ(ύρι)ε, βοήθει) Μιχαὴλ ἐπισκόπ(ω) Βαριαν(ῆς)

Аналогичный экземпляр известен по коллекции Г. Закоса (именно его в своей сводке отмечает Дж. Котсонис) [Zacos, 1984, p. 292, nr. 579]. Г. Закос свой экземпляр поместил в главу иконографических булл, хронологические рамки которой автор ограничивал ранним X в. – 1204 г. [Zacos, 1984, p. 207]. Сфрагистический тип и использованный на печати шрифт свидетельствует о ее принадлежности к памятникам не ранее XI в. Очевидно, наиболее реальна датировка XI-м веком, т.к. буллы близкого типа широко распространены именно в этом столетии. Заметим, что Дж. Котсонис предполагает аналогичную датировку [Cotsonis, 2005, p. 430].

В соответствии со списком епархий, приведенных в Notitiae episcopatum Constantinopolitanae Вариана (совр. Mariane в районе Амасии в Анатолии), фигурируя в трех Нотициях (7, 10, 13), занимает самое последнее место в митрополии Евхайты провинции Эленопонт (Euchaitais Elenopontou) [Darrouzes 1981, p. 287, 51(690), 332, 51(672), 365 53 (745); Fedalfo, 1988, p. 80, 10.5.3]. К сожалению других печатей этого центра и сведений о его священнослужителях или каких либо чиновниках пока нам обнаружить не удалось. Вместе с тем буллы церковных иерархов главного центра диоцеза – Евхайты достаточно широкого периода (VII-XI вв.) известны в разных собраниях [См., например, Laurent, 1963, с. 585-590, nos. 765-770; Laurent, 1965, p. 424-425, nr. 1592; Laurent, 1972, p. 129-130, nos. 1782-1783; Spek, 1986, p. 170-171, nr. 123; McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 44-48, nos. 16.1-9; Burgurlu, 2007, p. 77, p. 206]. При-

мечательно то, что в основном широкую известность этому центру, ставшему между 880-886 гг. митрополией, вплоть до XIV столетия приносили кульп св. Феодора Тирона и паломничество [См.: Oikonomides, 1986, р. 327-235]. И местные священнослужители в абсолютном своем большинстве в качестве сфрагистического типа избирают изображения именно св. воина Феодора, часть из которых персонифицируются со св. Феодором Тироном [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, р. 47, nos. 16.7-8; Jordanov, 2003, р. 8-89, nr. 30.1; Jordanov, 2009, р. 567-568, nr. 1718].

Имел ли место аналогичный пример в связи с рассматриваемым материалом сказать трудно. Весьма вероятно, что св. Сисинний, представленный на печати епископа Варианы, может и не быть местночтимым святым, а появление его на печати местного священнослужителя лишь дань каким-то личным симпатиям. Возможно, появление новых моливдовулов этого центра, а особенно печатей церковных иерархов смогутнести ясность в решение этой проблемы. В тоже время редкость этого изображения, безусловно, говорит о локальности и отсутствии широкой популярности культа св. Сисиния в Византийской империи. В пользу этого тезиса, бесспорно, свидетельствует и отсутствие его изображений на других памятникам сфрагистики.

Дж. Котсонис помещает св. Сисинния в разделе св. иерархов византийской церкви (всего 28 имен) вместе с свв., Василием, Иоанном Крестителем, Климентом, Николаем и др. [Cotsonis, 2005, р. 430]. Следует отметить, что, в специфике определения византийцами сюжетов для своих печатей исследователь определил определенную схему такого выбора: в 15 случаях (имеются в виду имена свв., моливдовулов же значительное количество) выбор изображения был продиктован прямой связью имен избранного патрона и владельца (как, например, на печатях протоспафария Льва [Seibt, 1978, с. 206-209, nr. 85], монаха Спиридона [Λεοντιαδης, 2006, р. 103-104, nr. 32] и многих других), или отношением к местному культу в диоцезе, где владелец выполнял свои обязанности (как правило – главы епархии), в которой данный святой почтился особо (например в случаях со свв. Поликарпом, Мефодием или Парфением, являвшимися святыми епископами соответственно в Смирне, Константине (Konstanteias) и Лампакосе (Lampsakos) и которым посвящались местные Церкви, а местные иерархи использовали их изображения для своих печатей [Алексеенко, 2007, с. 11-16; Jordanov, 2009, р. 571, nr. 1730; Nesbitt, Oikonomides, 1996, р. 100-101, nr. 54,2]). В нашем случае, скорее

всего, может быть принят последний вариант, хотя никаких данных на этот счет в источниках мы пока не имеем.

Следует отметить, что в византийской агиографии фиксируется несколько св. Сисиниев [Delechaye, 1902, coll. 121(5), 131(24), 161(36) и др.], отдельные из них фигурируют как святые отцы церкви, иные как мученики. К сожалению, из-за недостаточности информации не представляется возможным определить, которого из них избрал в качестве покровителя наш владелец.

В то же время, наиболее популярен в православной Церкви (особенно в РПЦ) святой мученик епископ Сисиний, как один из Сорока мучеников Севастийских, он происходил из Кизика, где и претерпел мучения в царствование императора Диоклетиана (284-305) от правителя города Александра и после долгих мучений был обезглавлен [Delechaye, 1902, coll. 250-252. nr. 3; Cp.: http://mirslovarei.com/content_his/SISINIJ-48504.html]. День его памяти 23 ноября (6 декабря).

Св. Сисиний среди верующих пользовался особым уважением как целитель от лихорадки [Буслаев, 1990, с. 77-77]. В русской православной иконописи этого угодника весьма часто можно было видеть в особенной обстановке, в которой довольно точно выражалось народное верование, связанное с его целительством. На иконах, как правило, была представлена скала, возвышающейся над озером с черною водою, где купались 12 нагих разноцветных дев, с растрепанными волосами. На скале с одной стороны изображался св. Сисиний, простиравший правую руку над озером, а с другой – архистратиг Михаил, поражающий дев. Аллегорически эти девы изображали собой лихорадок, трясавиц, или ворогуш, на которых и было обращено целительство святого (Рис. 2-3).

К группе памятников с редкими изображениями можно отнести еще одну печать с аналогичным сфрагистическим типом, но с изображением другого святого – Ахиллия.

2. Печать Иоанна Авториана, проэдра Ларисы (Рис. 4) [См.: Алексеенко, 2010, № 9 (в печати)].

На лицевой стороне печати изображение фигуры св. Ахиллия в рост в нимбе и епископском облачении, со сложенными на груди руками. По сторонам фигуры надпись в два столбца: – Ο|Α|ΓΙ|ΟC – Α|ΧΙ|ΛΙ|ΟC – ‘Ο ἄγιος Ἀχίλ(λ)ιος.

На обороте – шестистрочная метрическая (стихотворная) надпись:

Ἐπὶ σφράγισμα τῶν γραφῶν Ἰω(άννου) Αυτορεαν(ου) τ(οῦ) πρόεδρ(ου) Λαρίσης.

Ранг проэдра в византийской традиции можно рассматривать двояко: в светском варианте он равнозначен члену сената [Laurent, 1952, p. 99-100, nos. 186-187; Oikonomides, 1972, p. 299, n. 72], а в церковном, как эквивалент епископу, зачастую в широком смысле этого термина – главе епархии [Laurent, 1963, p. XXXIII]. Здесь заметим, что моливдовулы *проэдров церкви* близкие по типу рассматриваемому экземпляру как правило датируются XI-XII в., а отдельные из них даже XIII столетием [См.: Laurent, 1963-1972, соответствующие разделы]. В силу выше сказанного, в нашем случае, представленный на печати проэдр Михаил, занимая кафедру Ларисы, должен был иметь ранг митрополита. К сожалению, он отсутствует в списке соответствующих иерархов, представленном Дж. Федальто [Fedalto, 1988, p. 458-460] и никаких данных о его деятельности нет.

Вместе с тем, в византийской истории известен одноименный нашему персонаж, также принадлежащий к роду Авторианов и к тому же занимавший в начале XIII столетия патриарший престол. Михаил IV Авториан (1208-1214) стал первым патриархом в Никее, после того, когда из захваченного крестоносцами Константинополя туда переехали императорский и патриарший дворы. К сожалению, о его деятельности до патриаршества мало что известно. А.П. Лебедев отмечает, что «особенно скучны наши познания именно относительно первых четырех патриархов, живших в Нике» [Лебедев, 1998, с. 152]. Главным источником о них служат сообщения Георгия Акрополита. Однако эти известия так отрывочны, что не дают четкого представления о том или ином архиереи. Из «Истории» Акрополита ясно лишь то, что Михаил Авториан был «человек ученый, знающий всю нашу и чужую литературу» [Акрополит, 2005, с. 51]. Впрочем, известно, что до избрания его патриархом он был *megas sakellarios* Великой Церкви в Константинополе [Гουναρίδη, 1985,

s. 65-70; Oxford Dictionary Byzantium. II, 1991, p. 1365]; другой информации о его предшествующей карьере нет. К сожалению этих данных для отождествления нашего владельца с известным историческим персонажем не достаточно.

Да и сам моливдовул по типу не совсем соответствует памятникам рубежа XII-XIII вв. В соответствии со сфрагистическим типом и особенностями шрифта его, очевидно, следует отнести к буллам XI-XII вв. Хотя по нашему мнению скорее всего более очевидна датировка ранним временем (XI в., возможно около середины столетия) [Алексеенко, 2010] и возможно патриарх Михаил Авториан приходится лишь правнуком нашему владельцу.

Но, так или иначе, ценность информации, представленной на печати неоспорима. Новая находка не только ввела в оборот еще одного из ранее неизвестных церковных иерархов, являвшегося представителем одного из знатных родов Византии, два представителя которого (Михаил и Арсений – первый и последний патриархи Никейской империи) в XIII в. становились патриархами [Лебедев, 2005, с. 256, прим. 736], но и лишний раз показала имеющие место своеобразие и специфику в византийской традиции, нередко существовавших в провинциальных центрах империи.

Печати греческого города Ларисы, некогда входившего в фему Эллада и бывшего митрополией в епархии Фессалии (Северная Эллада (Верхняя Фессалия) в Нотициях в большинстве случаев названа просто Элладой – *H.A.*) [Cр.: Darrouzes, 1981, p. 217 (40), 265 (43), 268 (45), 284 (34), 291 (36) и др.] не часто встречаются среди памятников сфрагистики. Так, например, во всемирно известном собрании Dumbarton Oaks таких булл всего две [Nesbitt, Oikonomides, 1994, p. 57-58, nos. 17.1-2], по одному экземпляру в Венском собрании [Laurent, 1963, p. 508-509, nr. 674] и коллекции Н.П. Лихачева [Лихачев, 1991, с. 178, № 5]. Еще одна печать недавно стала известна по Британскому аукциону SPINK коллекции Г. Закоса [Spink, 1998, p. 25, nr. 39; Sandrovskaja, Seibt, 2005, p. 65]. В других крупных собраниях они пока не засвидетельствованы.

В этой связи появление каждого нового моливдовула этого центра – это новая бесценная информация, открывающая не только неизвестные страницы истории, но и как нам представляется в известной мере дающая возможность пофилософствовать на предмет религиозно-мировоззренческих пристрастий, по крайней мере, некоторых представителей местного нобилитета.

Возвращаясь к рассматриваемому сюжету, об образе св. Ахилия, необходимо отметить, что в Корпусе печатей иерархов византийской церкви В. Лорана представлено лишь два экз. с его изображением [Laurent, 1963, p. 509-511, nos. 675-676]. В свое время их редкость отмечал еще Н.П. Лихачев, описывая в начале 1930-х гг. известный ему экземпляр [Лихачев, 1991, с. 178]. Ученый особо обратил внимание на отсутствие изображения святого в обширных публикациях Г. Шлюмберже [Schlumberger, 1884] и К. Константопулоса [Κωνσταντόπουλος, 1917], издавших к тому времени большую часть известных тогда печатей. Такая ситуация практически не изменилась и до настоящего времени. Относительно недавно В.С. Шандровская опубликовала единственную печать епископа Георгия с неясным топонимическим названием (XII в.), где св. Ахилий изображен вместе со св. воином Георгием [Шандровская, 1994, 82-84, рис. на с. 73, табл. 1, № 10]. Как отмечалось выше в сводке Дж. Котсониса, указаны 5 экз. печатей с изображением св. Ахилия, датировка которых распределена следующим образом: X /XI в. (1 экз.), XI в. (3 экз.), XII в. (1 экз.). Таким образом, новый моливдовул должен являться, по крайней мере, шестым известным экземпляром с изображением святого. Однако, произвести идентификацию всех экземпляров оказалось достаточно сложно так как Дж. Котсонис не приводит ссылок. Впрочем, не исключено, что исследователь мог пользоваться еще и не изданными материалами, которые нам недоступны. Однако заметим, что и Ж.-Кл. Шене и С. Морриссон, и В.С. Шандровская в своих публикациях также отмечают лишь три известные им печати с изображением св. Ахилия [См.: Cheynet Morrisson, 1995, p. 24, n. 60; Шандровская, 1994, 89, прим. 39]. К сожалению одну печать из сводки Дж. Котсониса нам так и не удалось как-то идентифицировать, хотя с остальными четырьмя также не все просто. Не все датировки совпадают. В тоже время имеющиеся в нашем распоряжении сфрагистические материалы позволили сделать наблюдение, что изображение св. Ахиллия присутствует почти исключительно на печатях митрополитов Ларисы. Исключение составляет лишь экземпляр из собрания Эрмитажа, изданный В.С. Шандровской. При этом только Василий (ок. 1166 ?) и возможно Лев (1032) кроме печатей [Schlumberger, 1915, p. 36, nr. 295; Laurent, 1963, p. 509-511, nr. 675-676; Nesbitt, Oikonomides, 1994, p. 58, nos. 17.1] как-то упомянуты в письменных источниках [См.: Le Quen II, coll. 108; Fisker, 1911, p. 26²⁷; Grumel, 1932-1947, nos. 838, 840]; два оставшихся – Никита (XII в.) [Лихачев, 1991,

с. 178, № 5] и наш Михаил Авториан (XI в.) фигурируют только на памятниках сфрагистики.

Из известных нам печатей митрополитов Ларисы лишь две имеют другие изображения: Ефимий (XI в.) избрал образ одноименного святого [Nesbitt, Oikonomides, 1994, p. 58, nos. 17.2], а Стефан (начало XI в.) – изображение Богоматери [Laurent, 1963, p. 509-509, nr. 674]. На факт присутствия иных изображений кроме св. Ахиллия в свое время обратили внимание и французские исследователи [Cheynet Morrisson, 1995, p. 24, n. 60]. В тоже время наличие изображения св. Ахилия на моливдовулах покрайней мере четырех высших сановников епархии на протяжении XI-XII вв. дает основание полагать, что в этот период в Ларисе популярность его культа была особенно высока. Известно, что здесь в одной из церквей хранились мощи святого, затем перевезенные болгарским царем Самуилом после захвата Ларисы в 978 году в Преспу [Skylizae, 2003, p. 275-276, 11³³⁰; Златарски, 1971, с. 614, прим. 22; Петров, 1981, с. 403-405]. О высокой популярности культа св. Ахилия очевидно свидетельствует и тот факт, что Самуил не только вывез мощи прославленного святого, но и в окрестностях своей столицы специально организовал монастырь в его честь [Григорович В.И., 1877, с. 114; Иречек, 1878, с. 249-250; Лопарев, 1897, с. 363-364;]. Остров, на котором находился монастырь, и сохранившаяся здесь деревушка до настоящего времени носят его имя (совр. Агил).

В сводке Дж. Котсониса св. Ахиллий так же как и св. Сисиний помещен в разделе св. иерархов византийской церкви [Cotsonis, 2005, p. 430]. Следует отметить, что он собственно возглавляет список епископов Ларисы [Fedalto, 1988, p. 458; Cp.: Rostowski 2005, s. 133, 138]. В Синаксаре день его памяти 15 мая [Delehaye, 1902, coll. 686].

Из Жития св. Ахилия обнаруженного в свое время Хр. Лопаревым среди рукописей Афонского Дионисиева монастыря (№ 143, XVII в., л. 120 и сл.) [Лопарев, 1897, с. 363] известно, что он жил в царствование императора Константина Великого в начале IV в. Предавшись благочестивой и богобоязненной жизни, изучив светские науки и высшую философию, он украсил себя всякими богоугодными деяниями, в результате чего явилось его назначение епископом Верхней (Ларисийской) Фессалии. Присутствуя на Первом Вселенском соборе в Нике, он вместе с Регином Скопелосом и Диодором Трикка выступал против Ария и его единомышленников [Skylizae, 2003, p. 276, n. 73; Bibliotheca Sanctorum, 1961,

coll. 157-158]. Возвратившись в Ларису, он разрушил много идольских капищ, построил новые церковные здания и богато украсил их, после чего с миром отошел из этой жизни (ок. 330 г.) [Delehaye, 1902, coll. 686; Bibliotheca Sanctorum, 1961, coll. 157-158].

На этом примере, на наш взгляд, как нельзя лучше можно проиллюстрировать сакральный феномен – сохранения религиозных традиций на местах с далекой древности до наших дней.

Еще и сегодня в современном греческом городе Лариса (Лάριса), являющейся столицей одноименной префектуры, св. Ахиллий продолжает оставаться местночтимым святым. Путеводители сообщают, что в городе до сих пор сохранилась церковь его имени, которая является одной из главных исторических достопримечательностей города. Надо полагать, что современная популярность культа св. Ахиллия в Ларисе явное свидетельство того, что и в эпоху средневековья его культ был одним из главных в епархии. Благочестивые деяния ларисийского епископа, очевидно, настолько вошли в сердца и души многих поколений местных христиан, что почитание святого продолжалось и даже после вывоза его мощей в Болгарию. Еще одним ярким подтверждением популярности св. Ахиллия среди жителей Ларисы на наш взгляд является то, что первосвященники города, по крайней мере, в XI-XII вв. выбирали его образ для изображения на своих моливдовулах.

Однако не только святые образы избирали для своих моливдовулов служители церкви, ставя, таким образом, себя и свои письмена под защиту высших сил. Нередко сграфистическими типами служили разнообразные монограммы, в которых были зашифрованы инвокативные обращения к божественной помощи, имена, титулы и должности владельцев. Наибольшее распространение это явление получило в эпоху иконоборчества (VIII – начале IX в.), когда изображение священных образов было запрещено. Иногда монограммы соседствовали с надписями или же их полностью заменили метрические легенды. Порой владельцы печатей использовали зашифрованные надписи или строки из библейских текстов. Хотя последние, явление достаточно редкое в византийской сграфистике.

Одним из таких примеров, вызывающих несомненный интерес, может служить печать епископа Акроина (VIII в.) в легенде которой владелец в качестве традиционного обращения использовал не только обычную инвокативную формулу в виде крестообразной монограммы, но и дополнительно в круговой легенде поместил цитату из священного Писания.

3. Печать Леонтия, епископа Акроина (Рис. 5).

М-062. Частная коллекция И. Горшкова (Москва).

Д- 30 мм; толщина пластиинки 4 мм; вес 21,5 г.

Происходит из Крыма.

Аналогий нет.

Не издана.

Аверс. В двойном ободке из слившихся в линию точек инвокативная монограмма обращения к божественной помощи (Laurent, тип V). Между ободков круговая надпись:

+ΕΣΕΛΥΜΕΚΕΑΠΟΑΝΘΡ.Π... – Ἐξελοῦ με, Κ(ύρι)ε, ἀπὸ (ἐξ) ἀνθρ[ώ]π[ου πονηρ(οῦ)].

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию точек:

+ΛΕ.	Λε[ο]
ΝΤΙΩΕΠ	ντίῳ ἐπ
ΙΣΚΟΠΩ	ισκόπῳ
ΤΟΒΑΚΡ	τοῦ Ακρ
ΟΙΝΩ+	οινοῦ

Θεοτόκε βοήθει Λε[ο]ντίῳ ἐπισκόπῳ τοῦ Ακροινου – Богородица помоги Леонтию, епископу Акроина.

Епархия в Акроине (территория провинции Фригии Салутариас) упоминается в нескольких Нотициях [Darrouzes, 1981, р. 281(7₄₁₄), 301(9₂₉₆), 321(10₃₅₀), 360(13₃₅₇)]. Причем этот центр вместе с еще четырьмя городами отмечается как новые для этого региона [Darrouzes, 1981, р. 77

(23)]. Моливдовул уникален в своем роде, нам пока неизвестно никаких других памятников сфрагистики с таким топонимом; нет данных и о представленном на печати персонаже. Из его иерархов известен лишь один и то только по имени – Феоктист (?-876) [Fedalto, 1988, p. 168, 18.2.3].

В соответствии со сфрагистическим типом печать следует датировать в пределах VIII столетия.

Необычен моливдовул и содержанием начертанных на нем надписей. Но если оборот буллы вполне традиционен, то легенда лицевой стороны как раз таки демонстрирует тот самый редкий случай, когда используются цитаты из библейских текстов. Круговая легенда здесь представляет начальную фразу первого стиха 140-го Псалма (Psalms 140:1; в русскоязычной версии Пс. 139:1) – «Избавь меня, Господи, от человека злого». Предлог родительного падежа ἀπὸ в нашей надписи явная ошибка резчика поместившего его в первую часть стиха, вместо второй:

Ἐζελοῦ με, Κύριε, ἐξ ἀνθρώπου πονηροῦ
Ἀπὸ ἀνδρὸς ἀδίκου καὶ δολίου ρύσαί με

Избавь меня, Господи, от человека злого, сохрани меня, от притеснителя.

Моливдовулы с использованием текстов из Книги Псалмов очень редки в византийской сфрагистике [См.: Zacos, Veglery, 1972, p. 384-385, 483-484, 950, 1113-1116, 1296, 1621, 1703, 1715, 1723, 1767, 1774, nos. 323, 579, 1647, 1984-1987, 2373, 2835, 3015, 3046а, 3063, 3068, 3163, 3180]. Примечательно, что абсолютно все буллы очень близки по типу и датируются исключительно VIII столетием. Следует отметить, что, как правило, цитируются стихи трех Псалмов (Psalms 43:1, 140:1, 143:9), хотя встречаются и иные (например, Psalms 27:1, 118:6). Первый стих 140-го Псалма в сокращенной как у нас форме представлен лишь на моливдовуле Омейядского халифа Езида в период его византийской карьеры как императорского спафария и комита императорской гвардии [Zacos, Veglery, 1972, p. 1115, nr. 1986], однако в основном на печатях представлены обе строки стиха [Zacos, Veglery, 1972, nos. 323, 1647, 2835, 3063, 3163, 3180].

Аналогичную легенду имеет еще одна булла. Последняя печать хотя и не имеет отношения к печатям иерархов церкви, ее данные в известной мере дополняет сведения о моливдовулах, несущих цитаты из библейских текстов. Ее сфрагистический тип полностью соответствует типу предшествующего моливдовула, кроме того на ней первый стих 140-го Псалма представлен в полной форме.

4. Печать патрикия и стратига Сисиния (Рис. 6).

М-74. Частная коллекция И. Горшкова (Москва).

Д- 33 мм; толщина пластинки 4 мм; вес 9,4 г.

Происходит из Турции.

Не издана.

Аверс. В двойном ободке из слившихся в линию точек инвокативная монограмма обращения к божественной помощи (Laurent тип V) В углах тетраграмма имени Сисиния СΙ – СΙ | ΝΝ – ΙΩ - Σισιννίφ. Между ободков круговая надпись:

+ΕΖΕΛΣΜΕΚΕΕΞΑΝΘΡΩΠΠΥΠΟΝΗΡꝝ

– Ἔζελ(οῦ) με, Κ(ύρι)ε, ἐζ ἀνθρώπ(ου) πο(νη)ρ(οῦ).

Реверс. В двойном ободке из слившихся в линию точек пятистрочная надпись:

ΠΑ πα

ΤΡΙΚΙ τρικι(ῳ)

ΣCTP (καὶ) στρ

ΑΤΗΓ ατηγ

Ω. ω

Между ободков круговая надпись:

+ΑΠΟΑΝΔ...ΔΟΛΙΣΡVCEM. – ἀπὸ ἀνδ[ρὸς ἀδικου (καὶ)]

δολί(ου) ρῦσ(αί) μ[ε].

Ἐζελοῦ με, Κ(ύρι)ε, ἐζ ἀνθρώπου πονηροῦ,

Ἀπὸ ἀνδρὸς ἀδικου (καὶ) δολί(ου) ρῦσ(αί) με.

Θεοτόκε βοήθει Σισιννίφ πατρικίφ (καὶ) στρατηγῷ.

Параллельный экземпляр печати патриция Сисиния из Афинского нумизматического музея издал свое время К.М. Константопулос [Konstsntopoulos, 1917, p. 294, nr. 154a.], при этом никак его датируя и считая владельца стратигом Ликанда. К сожалению, греческий экземпляр, очевидно, не отличался хорошей сохранностью (издатель даже не приводит сохранившиеся буквы легенды), так что ошибка исследователя вполне понятна. В решении проблемы его атрибуции и восстановлении полного текста легенды на нашем экземпляре помогают еще два моливдовула из коллекции Г. Закоса, где она сохранилась полностью [Zacos, Veglery, 1972, p. 1296, 1774, nos. 2373, 3180]. Сопоставляя данные всех четырех моливдовулов не трудно прийти к заключению, что мы имеем дело с несколькими экземплярами печати одного и того же владельца. Однако, судя по всему, все они принадлежат различным парам матриц, т.к. расположения литер в легендах не совпадают. Очевидно, за время своей карьеры Сисиний сменил несколько буллотириев для своих печатей.

Еще одна близкая печать, но с именем Визира есть в Венском каталоге, которую издатели датируют с 720-х – до 741 г. [Wassiliu, Seibt, 2004, s. 273-274, nr. 284].

Учитывая выше изложенное, обе наши печати с цитатами из 140 Псалма следует датировать в пределах первой половины VIII столетия. К сожалению нехватка данных не позволяет как бы то ни было идентифицировать наших владельцев с известными персонажами, тем не менее сама по себе информация, содержащаяся в легендах печатей имеет свою историческую ценность, которая не только открывает новые исторические реалии, но и в известной мере позволяет погрузиться в духовный мир византийцев и увидеть широкий спектр религиозных предпочтений на примере только одного из факторов – выбора сюжета для печатей, на которых могли иметь место самые необычные изображения – от фантастических животных до знаменитых иконографических типов или библейских цитат.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕНКО. Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссылочный митрополит в Таврике // *Sacrum et Profanum* III. – Севастополь: 11-16.
АЛЕКСЕНКО. Н.А. Несколько византийских печатей из болгарских находок // Сборник в честь 60-летия проф. И. Йорданова. – Шумен, 2010 (в печати).

- БУСЛАЕВ Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990.
- ГРИГОРОВИЧ В.И. Очерки путешествия по европейской Турции. – М., 1877.
- ПЕТРОВ П. Войни с Византия. Цар Роман и цар Самуил / в: История на България. Том. II. – София, 1981.
- ЗЛАТАРСКИ В.Н. История на Първото българско Царство. II. – В: История на Българската държава през средните векове / под ред. П.Хр. Петров. – София, 1971.
- ЛЕБЕДЕВ А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. – СПБ., 1998.
- ИРЕЧЕК К. История Болгар. – Одесса, 1878.
- ЛИХАЧЕВ Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство 19. – М., 1991.
- ЛОПАРЕВ Хр. Описание некоторых греческих Житий святых // ВВ IV (3-4). – СПБ., 1897: 337-401.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. – СПБ., 1994: 70-89.
- Bibliotheca Sanctorum 1 / ed. I. Vizzini et al. – Roma, 1961.
- BURGURLU V. Bizans Kurşun Mührleri. – İstanbul, 2007.
- COTSONIS J. The Contribution of the Byzantine Lead Seals to the Study of the Cult of the Saints (Sixth-Twelfth Century) // Byzantium LXXV. – Bruxelles, 2005: 384-497.
- CHEYNET J.-CL., MORRISON C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // SBS 4. – Washington, 1995: 9-32.
- DARROUZÈS J. Notitia episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris, 1981.
- DELEHAYE H. Sinacarium Ecclesiae Constantinopolitanae. – Bruxellis, 1902.
- ΛΕΟΝΤΙΑΔΗΣ Ι. Μολύβδοβουλλα του μουσειου Βυζαντινου Πολιτισμου Θεσσαλονικης - Θεσσαλονικη, 2006.
- ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ Κ.Μ. Βυζαντιακα; μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθηναις Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μοισείον. – ἐν Ἀθηναις, 1917.
- FEDALTO G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis I. Patriarchatus Constantinopolitanus. – Padova, 1988.
- FICKER G. Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites. – Kiel, 1911.
- GRUMEL V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. I. – Chalcédoine-Paris, 1932-1947.
- ΓΟΥΝΑΡΙΔΗ Π. Ἡ χρονολογία τῆς ἀναγέρευσης καὶ τῆς στέψης τοῦ Θεοδώρου ἢ τοῦ Λασκάρεως // Σύμμεικτα 6. – 1985: 59-71.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 2. Byzantine Seals with Geographical Names. – Sofia, 2003.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 3. – Sofia, 2009.

- LAURENT V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. V₁. – Paris, 1963.
- LAURENT V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. V₂. – Paris, 1965.
- LAURENT V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. V₃. – Paris, 1972.
- MCGEER E., NESBITT J., OIKONOMIDES[†] N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. The East. 4. – Washington, 2001.
- NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. – Washington, 1994.
- NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 3. West, Northwest and Central Asia Minor and Orient. – Washington, 1996.
- OIKONOMIDES N. Le déoublement de Saint Theodore et les villes d'Eustaïta et d'Euchaeia // *Analecta Bollandiana* 104. – 1986: 327-235.
- The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazdan. – New York-Oxford, 1991.
- ROSTOWSKI G. The Cult of Saints in Byzantium in the Light of Byzantine Sigillography (ca. 950-1180) // *Berliner Byzantinistische Studien* 7. – Berlin, 2005: 131-140.
- ŠANDROVSKAJA V., SEIBT W. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. I. – Wien, 2005.
- SEIBT W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich I. – Wien, 1978.
- SKYLITZES J. Empereurs Constantinople / trad. B. Flusin. – Paris, 2003.
- SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.
- SCHLUMBERGER G. Sceaux byzantins inédits // *RN IX*. – 1905: 321-354.
- SPINK Auction 127. Byzantine Seals. – London, 1998.
- SPEK P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin II // *ΠΟΙΚΙΛΑ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ* 5. – Bonn, 1986.
- WASSILIU A.-K., SEIBT W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. II. – Wien, 2004.
- ZACOS G. Byzantine Lead Seals II. – Berne, 1984.